

На правах рукописи

Мирошниченко Ольга Игоревна

**РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ АРХЕТИП КАК СРЕДСТВО
ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА**

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва–2016

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: Муромцев Геннадий Илларионович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Официальные оппоненты: Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена

Супатаев Мурат Абдыкасимович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права Российской академии наук

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

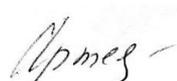
Защита диссертации состоится «15» июня 2016 г. в 14 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.203.36 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 347.

С диссертацией можно ознакомиться в УНИБЦ (НБ) Российского университета дружбы народов по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Электронная версия автореферата размещена на сайте <http://dissovet.rudn.ru> Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов», отправлена на сайт ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации по адресу: <http://vak2.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук, доцент



Ю.А. Артемьева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Совершенствование методологии правовых исследований последних десятилетий, введение в научный оборот понятий «правовая система» и «правовая культура» имели своим следствием изменение парадигмы исследований, существенное расширение угла зрения на право. Дальнейшее развитие этой тенденции поставило в повестку дня вопрос о более глубоком исследовании категории правовой культуры (ее структуры, элементного состава и т.д.). Необходимость этого подтверждает опыт развития российского права постсоветского периода. Возникла потребность в системном исследовании всех явлений правовой реальности, корректировка правовой политики с учетом духовных особенностей российского общества.

На сегодняшний день в отечественной правовой науке отсутствует целостная доктрина правового архетипа. С 90-х годов XX века было опубликовано множество работ, посвященных проблемам взаимосвязи права и правового менталитета, правового менталитета и правосознания, вышеперечисленных элементов и правовой культуры. При этом правовой архетип как самостоятельная категория юридической науки в этих работах практически не фигурирует. Как правило, его либо упоминают как часть правосознания, либо, прямо не называя понятия, говорят о роли коллективного бессознательного в правовом регулировании.

Комплексному анализу духовной составляющей правовой культуры и ее важности для правового регулирования также не было уделено должного внимания. Во многом поэтому политика модернизации и заимствования западных правовых образцов конца XX века не привела к желаемым результатам. Рассматривая правовую культуру как часть общей культуры, необходимо признать, что эффективность заимствованных правовых моделей будет напрямую зависеть от базовой культурной доминанты, в основе которой лежат «абсолютные» ценности конкретного общества, своеобразный национальный культурный код. На базе этих ценностей формируются собственно правовые ценности, свойственные исключительно праву как культурной данности и регулятору общественных отношений в рамках конкретной культуры.

Под правовым архетипом мы предлагаем понимать установку на поведение в правовой сфере, эволюционировавшую из мифа в процессе культурной дифференциации и представляющую собой «элементарный» мотив или образ, повторяющуюся модель опыта, воспроизводящуюся бессознательными психическими механизмами. По сути правовой архетип

представляет собой этническую традицию права, сформировавшуюся на базе ценностной культурной доминанты конкретного общества, его «абсолютных» ценностей. Правовой архетип как фундаментальная составляющая правовой культуры, формируется на базе мифов, предрассудочных конструкций, лежавших на начальных этапах развития общества в основе всей социальной регуляции. Впоследствии архетипические установки модифицируются под влиянием изменяющихся условий жизни (в том числе и деятельности государства).

И эти же установки зачастую становятся препятствием для внедрения и реализации даже наиболее прогрессивных правовых алгоритмов, ведь ни одно правовое установление не может быть эффективным в случае, если оно не обусловлено объективно-субъективными процессами, происходящими в определенном обществе, и вступает в противоречие с другими элементами системы нормативного регулирования конкретной социокультурной реальности. А поэтому то, что может быть эффективным для одного народа, для другого является губительным, как и то, что для одного народа – архаизм и бескультурье, для другого является нормальной формой жизнедеятельности.

Вышесказанное не означает необходимости бороться с «неправильными» архетипическими установками. Тем более, что просто убрать их из общественного сознания невозможно, процесс формирования архетипа вековой, зависящий непосредственно от изменения ядра культуры, базовых ценностей общества. А вот понять их содержание и формировать государственно-правовые модели, основываясь именно на них, – вариант совершенно реальный и потенциально весьма эффективный.

Таким образом, уяснение содержания правовых архетипов российского общества позволит повысить эффективность правового регулирования путем соотнесения всех внедряемых правовых моделей с базовой культурной доминантой, с уникальным национальным правовым фундаментом.

Степень научной разработанности проблемы. Как уже было упомянуто, в российской правовой науке на настоящий момент отсутствует целостная концепция правового архетипа. Для восполнения этого несомненного пробела необходимо рассмотрение права, прежде всего, как социокультурного явления. Поэтому исследование, заявленное в настоящей работе, невозможно без привлечения как юридических, так и в определенной мере социологических, антропологических, культурологических и философских концепций в рамках как отечественной, так и зарубежной науки.

Исследование было бы невозможно без комплексного анализа категорий правовой культуры и правового менталитета. В зарубежной науке

эта проблема глубоко разрабатывалась такими учеными, как Ксаба Варга, Д. Нелькен, Л. Фридман, Марк ван Хук. Культурологическое наполнение категория правовой культуры получает еще в трудах древнегреческих философов – Платона, Сократа, а впоследствии разрабатывается такими выдающимися зарубежными учеными как Р. Давид, Т. Парсонс, Бл. Паскаль, О. Тоффлер, Дж. Финнис, Г. Харт. Фактически вопросы правовой культуры и значения ее духовного элемента поднимались и величайшими немецкими философами Г.Ф. Гегелем, И. Кантом, Л. Фейербахом, хотя прямо эти понятия ими и не называются. В российской правовой науке проблемы правовой культуры и правового менталитета являются весьма дискуссионными и получили свое отображение в трудах таких ученых, как Е. В. Аграновская, Н.Н. Алексеев, С.С. Алексеев, Р.С. Байниязов, Г.И. Балюк, Н.Н. Вопленко, Н.Л. Гранат, А.И. Иванников, В.В. Ильин, И.А. Ильин, В.Н. Карташов, Е.В. Клейменова, В.Н. Кудрявцев, Е.А. Лукашева, В.П. Малахов, А.В. Малько, О.В. Мартышин, Д.В. Меняйло, Г.И. Муромцев, В.С. Нерсисянц, П.И. Новгородцев, А.И. Овчинников, Р.М. Овчиев, В.В. Панасюк, В.П. Сальников, А.П. Семитко, В.Н. Синюков, Т.В. Синюкова, М.А. Супатаев, Л.А. Петручак, А.В. Поляков, Е.В. Тимошина, С.Л. Франк, В.А. Четвернин и др.

Антропологический подход при исследованиях правовой культуры применялся в трудах В.В. Бочарова, К. Леви-Стросса, Б. Малиновского, Н. Рулана.

Этнический характер права, зависимость его формирования от социокультурной доминанты анализировались также в работах культурологической, исторической и социологической направленности. Особую значимость в этой категории имеют работы таких авторов как Э. Аннерс, М.А. Барг, Н.Н. Бердяев, Г. Дж. Берман, Л.С. Васильев, М.А. Виткин, Л.Н. Гумилев, А. Я. Гуревич, И.А. Ильин, В.О. Ключевский, Г.В. Мальцев, П.А. Сорокин, А.Х. Саидов, Б.М. Рыбаков, М. Хайдеггер.

Важную роль для исследования архетипических оснований правовой культуры сыграли труды ученых, затронувших психологические и философские аспекты данной проблемы. Так, среди зарубежных авторов безусловное значение имеют труды древнегреческого философа Платона, немецкого психолога К.Г. Юнга. Особую значимость приобретают фундаментальные труды таких отечественных теоретиков, как Л.И. Петражицкий, фактически связавший право с психологической составляющей; И.А. Ильин, огромную роль придававший духовной составляющей правосознания и ментальному своеобразию русского государства и права; К.В. Арановский, выделивший российские правовые

архетипы в конституционной традиции; и, безусловно, М.Г. Тюрин, первый российский правовед, попытавшийся на концептуальном уровне выделить национальные правовые архетипы.

Вместе с тем необходимо еще раз отметить, что комплексного монографического анализа архетипа как самостоятельной составляющей правовой культуры общества, характеризующего его взаимосвязь с правосознанием и правовым менталитетом в контексте его (правового архетипа) влияния на современное российское право, в науке еще не проводилось.

Объектом диссертационного исследования является правовая культура как гармоничный элемент общей культуры российского общества.

Предметом исследования является правовой архетип как ядро отечественной правовой культуры, рассматриваемый во взаимосвязи с правовым сознанием, правовым менталитетом и правовой культурой общества в целом.

Цели и задачи исследования. Целью исследования является комплексное исследование категории правового архетипа и обоснование его роли в идентификации современного российского права.

Для достижения заявленной цели в работе последовательно реализуются следующие задачи:

- обосновать целесообразность, эвристическую ценность и новизну историко-культурного подхода и необходимость использования его в качестве основного при исследовании правовой культуры общества;
- представить содержательно-категориальный анализ правовой культуры общества, выделить элементы правовой культуры в системном аспекте;
- сформулировать понятие и определить роль базовой культурной доминанты как определяющего элемента правовой культуры общества;
- дать сравнительную характеристику западной и восточной этническим правовым традициям, используя в качестве дифференцирующего понятие ценности;
- сформулировать понятие правового архетипа, определить его роль в формировании правовой культуры общества;
- дать понятие, определить место и роль правового менталитета в системе правовых категорий, используя в качестве основного историко-культурологический подход;
- проанализировать соотношение между правосознанием, правовым менталитетом и правовым архетипом как составляющими духовного блока правовой культуры общества;

– исследовать особенности становления духовной составляющей российской правовой культуры и ее эволюцию с использованием историко-культурной методологии;

– раскрыть соотношение российской правовой культуры с западной и восточной правовыми традициями;

– выделить и охарактеризовать основные архетипы современной российской правовой культуры;

Теоретико-методологической основой исследования стали культурно-антропологический и аксиологический подходы к исследованию правовой культуры, позволившие анализировать право как комплексное социокультурное явление, обладающее определенной спецификой в рамках конкретного общества.

Исследование проведено на базе общепhilosophических принципов познания с использованием методологических наработок социологии, философии и антропологии права, психологии, всеобщей истории, а также истории отечественного и зарубежного государства и права.

Для обоснования социокультурного содержания права использовались культурно-исторический и феноменологический методы, для определения роли архетипа при идентификации современного российского права были применены методы сравнительно-правового и логико-диалектического анализа, а также принцип системности.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- использована оригинальная методология исследования, основой которой является историко-культурный подход, позволяющий по-новому рассмотреть соотношение права и культуры и преодолеть определенную узость иных подходов, используемых в юридической науке; такой методологический подход позволяет сохранить сущую идею – базовую культурную доминанту конкретного социума (философская составляющая), а также учесть объективные составляющие общественного развития. Это позволит сформулировать уникальные ценностные критерии для каждого этноса;

- проведено комплексное культурно-антропологическое исследование правовой культуры общества, в результате которого проанализированы как ее внутренняя, так и внешняя составляющие; такое исследование позволило определить место и роль правового архетипа в структуре правовой культуры общества;

- сформулирована оригинальная концепция правовой культуры как двухуровневой категории, включающей в себя, во-первых, «абсолютные»

ценности – ценности первого порядка¹, и, во-вторых, формирующиеся на их базе собственно правовые ценности – ценности второго порядка, свойственные исключительно праву как регулятору общественных отношений в рамках конкретной культуры;

- выделена внешняя структура правовой культуры, в состав которой включаются государственная и народная правовые культуры; проведен сравнительный анализ западной и восточной правовых традиций; сформулировано понятие и определено значение базовой культурной доминанты, проявляющейся в коллективном бессознательном, которое представлено первыми, элементарными мотивами – архетипами;

- на концептуальном уровне соотнесены такие категории, как правовая культура, правовой менталитет, правовое сознание и правовой архетип; показан механизм формирования первичного правового архетипа;

- проанализирована эволюция российской правовой традиции в контексте ее соотношения с западной и восточной; доказан вывод об уникальности современной российской правовой культуры и менталитета; показано влияние религиозной, православно-языческой составляющей на формирование российского права;

- доказана необоснованность представлений о российском правовом сознании как нигилистическом за счет этимологического определения базового понятия нигилизма и соотнесения его с особенностями русской социокультурной доминанты в правовой сфере;

- выделены и охарактеризованы основные архетипы российского общества, имеющие безусловное значение для правового регулирования на современном этапе;

Положения, выносимые на защиту:

1. Исследование правовой культуры и связанных с ней явлений нуждается в особой методологии, что связано с междисциплинарным характером категории и тем фактом, что именно общая культура определяет развитие всех сфер общественной жизни, в том числе и правовой. Методология отдельных научных направлений демонстрирует эвристическую непродуктивность и парадоксальность выводов, когда дело касается содержательных характеристик российской правовой культуры. Адекватной методологией при изучении правовой культуры, способной обеспечить междисциплинарный характер исследования, предлагается

¹ Под «абсолютными ценностями» в контексте работы подразумеваются такие идеи, которые являются общими для всех социальных регуляторов, лежат в основе культуры и не зависят от других ценностей, а предопределяют и обуславливают их. – О.М.

считать историко-культурный подход, позволяющий рассмотреть соотношение права и культуры с точки зрения интеграции всех ценностей конкретного общества. При применении указанной методологии становится возможным в равной мере учесть как объективную (климатические, демографические, экономические факторы), так и субъективную, то есть зависящую от культуры конкретного общества (традиции, особенности социального регулирования) составляющие.

2. Исследования эволюции права как регулятора общественных отношений показывают, что право – социокультурный феномен, имеющий тот же фундамент, что и другие социальные регуляторы. Поэтому в основе права лежит базовая культурная доминанта, своеобразный национальный культурный код, представляющий собой набор правовых архетипов конкретного общества. Таким образом, тип права обусловлен ценностными воззрениями общества, его создающего. Лишение права его социокультурного духа приводит к формализации права и потере им своей ценностной составляющей, как следствие, к кризису позитивного права, а в итоге – к недейственности права как регулятора общественных отношений.

3. Историко-культурный подход позволяет сформулировать оригинальную концепцию правовой культуры общества как двухуровневой категории, в основе которой лежат «абсолютные» ценности – ценности первого порядка. На базе них формируются собственно правовые ценности – ценности второго порядка, свойственные исключительно праву как регулятору общественных отношений в рамках конкретной культуры. Мы считаем, что утверждение в науке такого рода структуры позволит создать самостоятельную концепцию правокультурной идентификации и определиться с ее критериями.

4. С точки зрения элементного состава в правовой культуре необходимо различать внешнюю и внутреннюю структуру. В состав внешней включаются государственная и народная правовые культуры, причем ни одна из категорий не абсолютизируется. В идеале правовая культура общества должна содержать в себе обе эти гармонично взаимодействующие сферы. Внутреннюю структуру правовой культуры предлагается определять, исходя из необходимого состава ценностей конкретного общества, и выделять в ней два уровня – духовный и материальный. Духовный уровень базируется на «абсолютных» ценностях и представлен правовым менталитетом и правовым архетипом. Материальный же основывается на ценностях второго порядка и реализуется через достижения юридической науки, государственную правовую идеологию и правовую деятельность. Свяжет эти уровни правосознание как сложная категория, совмещающая идеологические и

психологические компоненты. Именно через правосознание осуществляется переход от иррационального к рациональному, совмещение в индивидуальном сознании представлений о сущем и должном, а в конечном итоге – движение от «моделей» к «поведению».

5. Сравнительный анализ западной и восточной правовых традиций демонстрирует, что для реального поведения лица в правовой сфере и его представлений о праве важнейшее значение имеет базовая культурная доминанта, проявляющаяся в коллективном бессознательном, которое представлено первыми, элементарными мотивами – архетипами. Итоговое поведение индивида в конечном счете во многом определяется ими же, таким образом, основано на «опыте предков». Следовательно, категория архетипа имеет значение для непосредственного регулирования общественных отношений. Иными словами, именно тип доминирующих ценностей, различаемый в рамках указанных традиций, и предопределяет различия в способе формирования и восприятия права.

6. Основой духовного уровня правовой культуры предлагается считать правовой архетип – установку на поведение в правовой сфере, эволюционировавшую из мифа в процессе культурной дифференциации и представляющую собой «элементарный» мотив или образ, повторяющуюся модель опыта, обязанную своим существованием наследственности, воспроизводящуюся бессознательными психическими механизмами. Механизм действия архетипа, в том числе и правового, по типу совпадает с биологическим инстинктивным поведением.

Правовой менталитет предлагается считать самостоятельным элементом правовой культуры общества, отражающим ее «дух» и этническую традицию права, содержащим совокупность правовых архетипов конкретного общества.

Правосознание является комплексной категорией, включающей в себя как бессознательные, так и сознательные элементы. Его предлагается считать связующим элементом между правовым менталитетом и идеологическим элементом правовой культуры, а его основной задачей – оценку, легитимацию и, в конечном итоге, активацию всех правовых явлений. Именно правосознание определяет в конечном итоге поведение индивида в правовой сфере, проводя «сцепку» между бессознательным уровнем, психологическим компонентом сознания и его идеологическим элементом.

7. Использование историко-культурного подхода за счет исследования базовой культурной доминанты позволяет констатировать уникальность отечественной правовой культуры. Российский национальный культурный код формируется в рамках как западной, так и восточной правовых традиций,

поэтому обладает признаками как той, так и другой, в результате взаимодействия давших на современном этапе уникальный симбиоз. В связи с этим некорректно и методологически неверно оценивать содержание и уровень развития отечественной правовой культуры исключительно с точки зрения какой-либо из указанных правовых традиций. Ценности, лежащие в основе правовой культуры разных обществ, имеют национально-культурный и культурно-исторический характер и потому не могут быть соотнесены по принципу «лучше – хуже» или «соответствующие праву – не соответствующие праву». Они просто разные. А любое оценивание содержания и, тем более, уровня развития конкретной национальной правовой культуры превратится в констатацию превосходства ценностей одной правовой модели над другой. Такая позиция недопустима и с методологической, и с исторической точек зрения, как противоречащая социально-культурному характеру права и его антропозависимой природе.

8. Базовая культурная доминанта российского общества, его базовые особенности и абсолютные ценности, формируют уникальные отечественные правовые архетипы, имеющие важное значение для правового регулирования на современном этапе. К таким архетипам относятся:

- архетип «государя-покровителя», заключающийся в некоторой сакрализации русским народом своих управленцев и, как следствие, в большей мере чувственном, нежели разумно-оценивающем, как на Западе, отношении к государству. Правоисторическая традиция России сложилась совершенно особым образом, и в ней государству всегда отводилась особая роль. Поэтому мы считаем, что российское общество до сих пор нуждается в идеализации своего государства, в наделении его определенными сакральными свойствами. Таким образом, эффективность деятельности государственных институтов в России на сегодня имеет другие критерии оценки, нежели западные аналоги;
- архетип авторитета, выражающийся в склонности россиянина создавать для себя объект идеализации в виде лица, наделенного определенными должностными полномочиями. Признание первенства происходит на бессознательном уровне, просто в силу формального статуса объекта идеализации, таким образом, он (объект) не оценивается содержательно, либо такая оценка не является для субъекта оценивания первичной;
- архетип «я – последняя буква алфавита» и архетип «правильного человека», которые заключаются в уникальном для отечественного правового менталитета толковании понятий свободы и справедливости. Освободиться – это в большей степени очистить дух, а вести себя правильно – подчиниться не внешним, формальным законам, а истинным

внутренним, духовным. Все это приводит к тому, что на Западе называют «подменой правосознания этическими воззрениями». Для России же это не подмена, а высшая справедливость, являющаяся не продуктом человеческой деятельности (как на Западе), а данностью, дарованной свыше;

- архетип «двух жизней», характеризующий собой бессознательную установку русского человека на существование в рамках двух «правовых систем»: неписанного народного права и позитивного государственного. Так, любая правовая норма в сегодняшнем российском обществе проходит две ступени «фильтрации»: первая – на уровне государства; вторая – самим обществом эмпирическим путем. В случае если модель поведения проходит обе ступени, она становится действующим регулятором общественных отношений; если же на второй ступени она «спотыкается», то остается лишь формальным правилом, которое будут стараться не нарушать из страха наказания, но искренней поддержки оно не получит. То же самое и с обратной стороны: родившаяся в недрах общества норма действует априорно в момент своего фактического оформления, но позитивно-правовой характер она обретает лишь в случае, если ее санкционирует государство (те же две ступени, только в обратной последовательности). В случае же если государство в таком оформлении норме откажет, то модель все равно будет реализовываться в «теневом», «неписанном» варианте, и здесь уже государство будет смотреть на такие нарушения «сквозь пальцы», пресекая лишь грубые нарушения установленного им же порядка;

9. Сегодня Россия переживает период перехода к новому обществу. Попытки нивелировать значимость национального культурного кода лишь создадут в процессе такого перехода дополнительные сложности, чреватые нежелательными социальными последствиями. Капитализм в России и построенные на базе него правовое государство и гражданское общество не будут точной копией западных аналогов. Они, несомненно, будут учитывать национальную специфику. Но в любом случае для их построения потребуется время, равное жизни нескольких поколений.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретические положения диссертации позволяют на концептуальном уровне соотнести важнейшие категории правовой культуры, правового менталитета, правового сознания и правового архетипа.

Разработка на теоретическом уровне особого рода структуры правовой культуры позволит создать самостоятельную концепцию правокультурной идентификации и определиться с ее критериями.

Для сегодняшней России, находящейся на переходном этапе своего развития, важнейшее значение приобретает национальный культурный код. Системная незавершенность современного российского общества и, как следствие, слабость капитализма «на сейчас» создают прочную почву для сохранения исторически сложившихся культурных отношений, в частности, в сфере взаимоотношений власть-общество. Таким образом, выделение и характеристика основных базовых культурных архетипов является необходимой предпосылкой для эффективного правотворчества.

Апробация результатов исследования.

Основные выводы, полученные автором в результате исследования, прошли апробацию в рамках выступлений на общероссийских и региональных конференциях.

Основные положения диссертации нашли отражение в 7 публикациях общим объемом 4,3 п. л., из них 3 – в изданиях и журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, а 4 – в журналах и изданиях, включенных в базу данных SCOPUS.

Материалы исследования используются автором в преподавательской деятельности.

Также результаты исследования обсуждались автором в ходе участия в летней школе права в Йельском университете (Yale Law Seminar), в июле-августе 2014 года, и в процессе участия в программе Columbia Summer program in American Law, в июне-августе 2015 года.

Материалы и результаты диссертационного исследования обсуждались и были одобрены на заседании кафедры теории и истории государства и права юридического института Российского университета дружбы народов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, анализируется степень научной разработанности проблемы, излагается авторский взгляд на тему исследования, определяются его объект, предмет, цели и задачи. Также формулируются основные положения, выносимые на защиту, указываются теоретическая, методологическая и источниковая основы работы, показывается научная новизна, раскрываются теоретическая и практическая значимость проведенного исследования, приводятся сведения об апробации полученных результатов.

В первой главе «Правовая культура: общий философско-антропологический анализ категории», состоящей из двух параграфов, дается комплексный анализ категории правовой культуры в трудах

отечественных и зарубежных авторов; показывается значимость социокультурного аспекта права как явления.

В первом параграфе «Научно-методологические основы исследования правовой культуры» дается подробная характеристика существующих в отечественной и зарубежной юридической науке основных подходов к пониманию правовой культуры. Показывается неоднозначность и глобальность исследуемой категории, а также доказывается тезис о социокультурном характере права как явления и, соответственно, необходимости восприятия правовой культуры общества лишь как части его общей культуры.

Автор предлагает все имеющиеся на современном этапе в отечественной и зарубежной науке подходы к культуре в целом и правовой культуре в частности свести к трем основным группам: антропологические, социологические и философские.

Анализ начинается с обзора положений отечественной правовой науки. Диссертантом выделяется тот факт, что появление множества альтернативных вариантов понимания исследуемой категории стало возможным лишь после отхода от господствующей в советской юриспруденции четкой установки считать правовую культуру чисто прикладным понятием, зависящим исключительно от экономики и господствующей идеологии.

Автором подробно рассматриваются такие подходы к пониманию правовой культуры, как антропологический (деятельностный), социологический, ценностный (аксиологический), суммативный и семиотический.

Акцент делается на понятии ценности, являющимся одним из базовых для социологического, аксиологического, суммативного и семиотического подходов. При этом диссертант обращает внимание на существующую неопределенность критериев при формулировании указанного понятия, а также его неоднозначность. Предлагается использовать понятия, сформулированные психологом М. Рокичем: ценностей как глубоких убеждений, которые определяют действия и суждения в различных ситуациях; и ценностных ориентаций как неких доминант, характеризующих направленность субъекта на аксиологическую реальность и предопределяющих силу личностного стремления к цели, мотивированный выбор действий, согласно идеалам и личностно значимым явлениям.

В результате диссертант приходит к одному из важнейших для дальнейшего исследования выводов: фактически индивид неспособен выработать для самого себя уникальную систему ценностей; субъект

осуществляет акт поведения, в частности правового, осознанно, но лишь в соответствии с разделяемыми им ценностными установками. Человек, живущий в обществе и социализирующийся в нем, в любом случае является его частью, а его система ценностей, так или иначе, основана на системе ценностей именно этого общества. Даже в случае если индивид отрицает ценности общества, в котором существует, само его отрицание строится и базируется именно на первичных ценностях этого общества. Другими словами, чтобы было что отрицать или поддерживать, это что-то должно существовать. И это что-то – общественные ценности. Таким образом, система ценностей индивида априори будет базироваться на так называемой «памяти предков». Следовательно, система ценностных ориентаций конкретного человека будет составлять лишь индивидуализированную комбинацию общезначимых ценностей.

Таким образом, понимание и наполнение категории правовой культуры общества напрямую зависит от его общей культуры. Следствием непонимания указанного утверждения становятся различные инсинуации на тему правовой культуры, при которых из ее состава исключается духовная, культурная составляющая, тем самым во многом лишая право его социокультурного духа.

Отдельно выделяется культурологический подход к исследованию правовой культуры, обосновываемый в отечественной правовой науке профессорами Г.И. Муромцевым, В.Н. Синюковым, В.П. Малаховым, а в зарубежной, например, представителями Европейской академии теории права. Презюмируется необходимость рассмотрения указанной категории, прежде всего, с точки зрения соотношения понятий «культура», «право», «цивилизация». В рамках данного подхода также рассматривается концепция новой парадигмы правовой культуры, сформулированная профессорами Марком ван Хуком и Марком Варрингтоном и основанная на понятии «общей правовой культуры».

В итоге, в качестве основного методологического подхода к исследованию правовой культуры автором избирается историко-культурный подход. В обоснование своей позиции диссертант приводит следующие доводы:

Социальная жизнь ни в одном из ее проявлений не может быть исследована с точки зрения чисто рациональных соображений, равно как и с помощью только технических методов и приемов. Предлагаемый же подход позволяет соединить указанные направления и рассмотреть правовую культуру с точки зрения интеграции всех ценностей конкретного общества, применив ценностные (аксиологические) параметры для рассмотрения

соотношения права и культуры и в равной мере учитывая как объективную (климатические, демографические, экономические факторы), так и субъективную, то есть зависящую от культуры конкретного общества (традиции, особенности социального регулирования) составляющие. Это позволяет учесть с одной стороны преемственность как важнейшее качество культуры (фундаментальные общественные ценности нельзя легко изменить – как правило, это чревато серьезными социальными волнениями), а с другой стороны – динамику общественного развития. Таким образом, предложенная методология позволяет сохранить сущую идею – базовую культурную доминанту конкретного социума (философская составляющая) и таким образом преодолеть некоторую узость семиотической концепции, и в то же время учесть объективные составляющие общественного развития и на их базе сформировать уникальные ценностные критерии для каждого этноса.

Во втором параграфе «Понятие и структура правовой культуры: историко-культурный подход» автор отделяет правовую культуру от других видов общей культуры, формулируя понятие правовой ценности. Последовательно доказывается идея, что правовая ценность – разновидность общекультурной инварианты рассматриваемого явления, а единственным доказательством ее убедительности необходимо считать общественное признание.

Все социальные нормативы дифференцировались на начальном этапе из единого культурного пласта и на любом этапе развития социума являются лишь его специфически модифицированным продуктом. В процессе эволюции первобытного общества единый культурный пласт, порожденный человеческим разумом и ставший результатом рефлексии, дифференцируется в систему ценностей, на первом этапе являвшихся просто набором стереотипов, придуманных для удобства существования. Таким образом, презюмируется социокультурная, эволюционная природа ценностей. Предлагается признать наличие в *каждом обществе* уникальной базовой культурной доминанты, национального культурного кода, на базе которого и формируются соответствующие ему «новые» ценности. Иными словами, то, что хорошо для общества, принимается и одобряется им, является *его* ценностью, даже если такая ценность не получает признания со стороны других, «более развитых» обществ. Таким образом предлагается признать уникальным характер «оценивания», признания чего-либо важным, значимым и положительным для каждого конкретного социума, тем самым презюмировав методологическую бесперспективность применения в данном контексте понятия «негативной ценности». Это означает, что базовые ценностные постулаты, ориентирующие тот или иной народ на свой особый

подход к жизни и ее организации, могут существенно отличаться от таких же ценностей другого народа. И, следовательно, в зависимости от того, какой фундаментальный принцип цивилизации выделяется как центральный принцип ее социально-правовой организации, мы имеем и разные формы проявления права.

Автором предлагается разделить все ценности на два типа – абсолютные, или идеальные – и относительные, или ценности «второго порядка». Очевидно, что абсолютные ценности, являющиеся отражением ядра культуры, будут предопределять формирование ценностей «второго порядка», – специфических – пропуская их сквозь призму социокультурной реальности. Они же (абсолютные ценности) будут отличать цивилизационно разные типы культур. Правовые ценности, являющиеся ценностями второго порядка, таким образом, формируются на базе общих социокультурных постулатов и их реальная эффективность фактически предопределена их соответствием «ядру культуры».

На основании вышесказанного, диссертант предлагает выделить внешнюю и внутреннюю составляющие структуры правовой культуры общества.

С точки зрения внешней структуры правовую культуру общества предлагается определить как двухуровневую категорию, в основе которой лежат «абсолютные» ценности (ценности первого порядка), на базе которых формируются собственно правовые ценности (ценности второго порядка), свойственные исключительно праву как культурной данности и регулятору общественных отношений в рамках конкретной культуры. Автор считает, что утверждение в науке такого рода структуры позволит создать самостоятельную концепцию правокультурной идентификации и определиться с ее критериями.

Также предлагается выделить в правовой культуре общества два блока: народную и государственную правовые культуры. Такая структура соответствует правовой органике и позволяет совместить два основных типа правогенеза: формирование права напрямую через общественные отношения и создание права посредством реализации государственной воли. Диссертант предлагает презюмировать факт необходимости государства как гармоничного элемента общей культуры, основной задачей которого является объективирование моделей, соответствующих ядру культуры, а отнюдь не санкционирование «квазиправовых», якобы действенных (весьма вероятно, в рамках других обществ действенных не «якобы», а вполне реально) правовых доктрин. Тогда государство сможет выполнить свое предназначение и приблизить позитивное право к народу. В случае же

разведения этих данностей общественной жизни по «разным полюсам», в лучшем случае сформируется юридическое общество, но отнюдь не правовое государство. Государственная правовая культура будет существовать сама по себе, непонимаемая и невоспринимаемая никем, кроме ее создателей; а народная правовая культура будет активно (или пассивно, при условии наличия жесткой и успешной системы принуждения) ей противостоять. Как следствие, появится одно из негативнейших общественных явлений – правовой нигилизм, которого вполне можно было бы избежать, просто следуя по пути культурно-правовой эволюции.

Во внутренней структуре правовой культуры предлагается выделить два уровня: духовный и материальный. Каждый из них будет реализовываться в определенном наборе фактических элементов, а формироваться благодаря ценностям, лежащим в его основе. Так, духовный уровень базируется на «абсолютных» ценностях и представлен правовым менталитетом и правовым архетипом. Материальный основывается на ценностях второго порядка и реализуется через достижения юридической науки, государственную правовую идеологию и правовую деятельность. Свяжет эти уровни правосознание как сложная категория, совмещающая идеологические и психологические компоненты. Именно через правосознание осуществляется переход от иррационального к рациональному, совмещение в индивидуальном сознании представлений о сущем и должном, а в конечном итоге движение от «моделей» к «поведению».

Исходит предложенная структура из самого состава ценностей. Напомним, что с точки зрения классической философии ценностями могут считаться лишь абсолютные идеи, не имеющие рационального основания. Все остальное, чему более поздней наукой было присвоено то же наименование, фактически является лишь идеалом, имеющим инструментально-потребностный характер и сформированным на базе первичной «идеальной» ценности. Таким образом, второй уровень ценностей в большей степени основан на понятии интереса. Именно из смысла, так или иначе понимаемого, рождаются представления о ценном и должном. Поэтому процесс формирования правовых ценностей основан на уникальном для каждого народа составе «абсолютных» ценностей и на вытекающей из них роли права в обществе.

Во второй главе «Архетип как системообразующий элемент правовой культуры общества», состоящей из двух параграфов, дается краткий анализ западной и восточной культурных правовых традиций, а

также определяется место правового архетипа, правового менталитета и правового сознания в структуре правовой культуры общества.

В первом параграфе «Западная и восточная культурные правовые традиции: сравнительная характеристика» автор выделяет восточную и западную культурные правовые традиции, исходя из разницы между базовым ядром культуры и способом формирования абсолютных ценностей. Необходимость такого разделения доказывается тезисом, что именно тип доминирующих ценностей, различаемый в рамках указанных традиций, и предопределяет различия в типе формирования и восприятия права. Подчеркивается, что «Восток» и «Запад» – понятия в данном случае не географические, а историко-культурные.

Основой дифференциации предлагается избрать психоаналитическую концепцию профессора К.Г. Юнга, в соответствии которой фундаментом человеческой культуры является коллективное бессознательное, имеющее коллективную, универсальную и безличную природу, идентичную для всех индивидов конкретного общества. Таким образом, помимо непосредственно сознания, которое имеет полностью личностную природу, и личностного бессознательного, имеется еще вторая психическая система, имеющая коллективную, универсальную и безличную природу, общую для всех индивидов-представителей конкретного общества. Это коллективное бессознательное не развивается индивидуально, а наследуется и состоит из архетипов (первых, элементарных мотивов по К.Г. Юнгу), которые лишь вторичным образом становятся осознаваемыми и которые придают определенную итоговую форму содержанию психики.

В качестве аналога идей профессора Юнга, но с акцентом на правовую сферу, приводится концепция коллективного правосознания и его уровней, предложенная профессором В.П. Малаховым.

Диссертант продолжает идею первой главы, говоря о фактически инстинктивном механизме действия архетипов и потому предлагая признать за ними еще одну, внебиологическую форму инстинктов, работающую по сходному с инстинктами сценарию в любом социальном взаимодействии. Таким образом, правовые архетипы играют роль системообразующих идей для всего правового регулирования, определяют регулятивный и ценностно-ориентировочный фон всей правовой жизни.

Западная и восточная правовые традиции должны быть дифференцированы по этому, ценностно-архетипическому, критерию, так как именно элементарные мотивы, являясь первичным инициатором поведения, предопределяют роль права в жизни общества и, следовательно, весь механизм формирования правовых ценностей.

Последовательно доказывается предложенный автором тезис, что развитие права как явления в целом и правовых категорий как его части, зависит от представлений об эквивалентности и о стандартах того, что является эквивалентом, в конкретном обществе. С этой целью анализируется эволюция указанных представлений для восточной и западной правовых традиций, начиная с периода появления отношений обмена как формы социально-экономического института. Подробно описывается процесс становления восточного и западного обществ как экономических и социальных структур, делается вывод об их основных социокультурных особенностях. Подробно описывается особый, восточный тип земледельческой общины. По мнению диссертанта, она сыграла важнейшую роль для становления особых форм права и государства как социокультурных явлений на Востоке. В качестве важнейших результатов исторического развития выделяются:

- на Востоке – система вертикальных связей, коллективизм, феномен «власти-собственности» и «поголовное рабство», имеющее не формальную, как на Западе, а социально-духовную, основу; деспотическое государство, сформировавшееся как средство объединения общин, не нуждавшихся в регулярном обмене друг с другом, для защиты от внешней угрозы или в результате завоевания;
- на Западе: система горизонтальных связей, базирующаяся на борьбе антагонистических классов, власть, обслуживавшая интересы собственников и ими же формируемая, частная собственность в ее классическом понимании как основа развития общества; свобода и индивидуализм как основные общественные ценности.

Основные же различия между указанными традициями в правовой сфере предлагается искать в соотношении права с иными социальными регуляторами, а также в восприятии индивидуализма, свободы и справедливости. Так, западная правокультурная традиция, также именуемая индивидуалистической, воспринимает право как синоним индивидуальной свободы, а та, в свою очередь, является самостоятельной важнейшей ценностью, являющейся основным объектом защиты. На Западе существует безусловная вера в силу и действенность закона. Справедливость формируется как в большей степени формальная характеристика, ответственная за применение равного масштаба к неравным лицам. Право является самостоятельной безусловной ценностью и не ставится в зависимость от морали или религии.

В восточных, так называемых коллективистских культурах, право вторично по отношению к религии и морали, фактически являясь объектом

оценивания с точки зрения соответствия указанным регуляторам. В архаичном социуме все социальные нормативы, слитые воедино, успешно осуществляли необходимое регулирование. В западном обществе право достаточно быстро преобразовалось в особый и весьма эффективный социальный регулятор, основанный на принципах реализации индивидуальной свободы и формальной справедливости. Так называемое «обычное право», если и осталось в ареале формально-юридического регулирования, то лишь в качестве вторичного источника позитивного права. В восточных же обществах процесс правогенеза пошел другим путем. Благодаря особенностям эволюции, на Востоке человек стал важен не сам по себе, а лишь как часть целого. Если Запад акцентирует внимание на разуме, на научно-техническом прогрессе, на самооценности человека как личности, то Восток долгое время не приемлет науку как самостоятельный вид деятельности и делает акцент на духовности. Неудивительно, что основой восточного права становится так называемое «неписанное», или «неотдифференцированное, обычное право», которое, во-первых, сконцентрировано на уровне таких категорий как, например, «совесть», «стыд», «чувство вины», «раскаяние», «покаяние» и др., далеких от чисто позитивистско-юридических понятий, а во-вторых, имеет условием своей эффективности внутреннее обязывание и долженствование.

Следовательно, там, где основной ценностью является индивидуализм и так называемая «private life», как в западной цивилизации, возникает необходимость обоснования четких юридических прав и обязанностей индивида с помощью *структурированного позитивного права, отграничивающего одного члена общества от другого путем взаимных строго регламентированных прав и обязанностей*. Там же, где основные ценности являются коллективными, а основной целью – гармония с природой и обществом, как в восточной цивилизации, особенно важным становится не столько формальное право, сколько *раскрытие моральной сути обязательства и постижение его скрытых истоков*. Таким образом, основа правовой культуры конкретного общества зависит от коренных архетипов, заложенных в подсознание его членов, а также от того, что в соответствии с ними является в большей степени основой правового долженствования – нравственно-религиозная директива или норма позитивного права.

Автор полагает, что в обществах восточного типа, даже при переходе к капитализму, роль и значимость традиционного нерукотворного права еще долгое время останется очень высокой. А значит, таким обществам предстоит свой, уникальный путь правового развития, даже в условиях изменившейся экономической ситуации.

Во втором параграфе «Соотношение правового сознания, правового менталитета и правового архетипа в структуре правовой культуры» даются авторские понятия правового менталитета и правового архетипа, определяется характер их взаимодействия между собой и с государственной идеологией в рамках правовой культуры общества, а также анализируется механизм их взаимодействия с правовым сознанием и итогового воздействия на правовую деятельность.

Автор начинает параграф с тезиса, что на настоящий момент в отечественной правовой науке отсутствует целостная доктрина правового менталитета. В доказательство приводятся мнения на указанную тему представителей как философской, так и правовой науки, зачастую отличающиеся серьезной противоречивостью. Диссертант анализирует попытки некоторых ученых разделить понятия правового менталитета, менталитета правовой культуры и правовой ментальности и приходит к выводу, что такая дифференциация неэффективна и приводит лишь к необоснованной терминологической перегрузке юридической науки.

Также анализируется эволюция правового менталитета. Указанную категорию предлагается исследовать исходя из ее этимологической сущностной составляющей (термин *mentality* – умонастроение, мировосприятие). Предлагается презюмировать определяющую и первичную роль правового менталитета для правового регулирования в целом: правовая система изначально испытывает на себе воздействие правового менталитета как совокупности стереотипов, воспринимаемых на бессознательном, привычном уровне; а те ее институты, которые формируются государством, лишь воздействуют на поведение в правовой сфере, не меняя (или меняя весьма незначительно) сам правовой менталитет.

Подробно анализируется исследование категории правового архетипа в трудах отечественных правоведов. Автор обращает особое внимание на исследования таких авторов как Д.В. Меняло и Р.С. Байниязов. В первом случае диссертант соглашается с необходимостью признать глубокою взаимосвязь правового менталитета и иных социальных регуляторов, в частности, религии, и признать его (правового менталитета) в первую очередь социологический характер. При анализе теории профессора Р.С. Байниязова отмечается ее неоправданная терминологическая перегруженность и, в конечном итоге, смешение понятий правового менталитета и правосознания.

Диссертантом предлагается подход, при котором правосознание, обладающее как идеологическим, так и психологическим компонентом, проводит «сцепку» между бессознательным уровнем, психологическим

компонентом сознания и идеологическим элементом, формируя итоговое правовое поведение. Иными словами, в ситуации, когда норма позитивного права по содержанию противоречит архетипической ментальной установке, субъект может посчитать, что разумнее в данном случае следовать не правовому стереотипу, а законодательному установлению. Но в то же время подчеркивается, что правовой менталитет и лежащий в его основе правовой архетип от этого не меняются, а лишь временно уступают место велениям разума. И данный вариант возможен лишь в двух случаях. Во-первых, если сама ситуация не особо важна для субъекта и он может позволить своему сознанию взять верх над бессознательным и что-либо «посчитать» (ведь механизм действия любых инстинктов, даже внебиологических, гораздо мощнее сознательного элемента и, если сознание сумело заставить подсознание подчиниться, значит, сама ситуация не обладает первоочередной важностью для субъекта). А во-вторых, если сила принуждения, поддерживающая данный норматив, действительно велика. Существенное же противоречие социокультурной основе менталитета, а также разрушение его ценностно-смыслового ядра приведет, скорее всего, к резкому неприятию внедряемых моделей и цепи совершенно непредсказуемых последствий.

Правовой менталитет предлагается считать отдельной, самостоятельной частью правовой системы общества, отражающей ее «дух» и этническую традицию права. Механизм работы правового менталитета как мотиватора поведения в правовой сфере определяется прежде всего бессознательными установками субъекта. Автор категорически выступает против включения в категорию правового менталитета оценивающего компонента.

Таким образом, предлагается определить правовой менталитет как дорефлексивный, предсознательный уровень правовой культуры, состоящий из ядра – набора правовых архетипов конкретного этноса и формирующегося на их базе «коллективного бессознательного»; и внешнего слоя, представленного заимствованными ценностями, но только в случае если они соответствуют сущностной ценностной составляющей ядра. Презюмируется тезис, что рецепция чуждых национальному культурному коду ценностей может привести к юридической декультурации.

Правовое сознание предлагается считать комплексной категорией, включающей в себя как бессознательные, так и сознательные элементы. Данная категория ответственна за правовую оценку возникающей ситуации. Именно правосознание проводит «сцепку» между бессознательным уровнем,

психологическим компонентом сознания и идеологическим элементом, формируя в конечном итоге определенное правовое поведение.

В третьей главе **«Русский культурный архетип как средство идентификации современной российской правовой ментальности»** автор с использованием уже упомянутого историко-культурного подхода дает ценностную характеристику отечественной правовой культуры и формулирует русские культурные архетипы, положенные в основу российской правовой ментальности.

Первые три параграфа посвящены поэтапному анализу отечественной правовой культуры с точки зрения ее ценностной составляющей.

В первом параграфе **«Русская правовая традиция в контексте истории: сравнительно-правовой аспект»** автор рассуждает о российской правовой реформе начала XX века, акцентируя внимание на не всегда успешных попытках руководства страны внедрить в российскую действительность западные политико-правовые модели.

Диссертантом отмечается нелогичность и излишняя категоричность как слепого копирования, так и утверждения российского мессианства и невозможности любых заимствований. Последовательно доказывается позиция, что заимствования возможны, во многих ситуациях даже необходимы. Во избежание же возможных противоречий между культурой страны-донора и страны-реципиента и, как следствие, «неприживаемости» заимствованных моделей, предлагается процесс реформирования начинать с выработки новых теоретико-методологических парадигм, с помощью которых могли бы быть изучены как само российское право, так и особенности его функционирования и развития в современной социокультурной реальности.

Далее в работе предпринят краткий экскурс в историю становления славянского «общежития», позволивший автору констатировать наличие у наших предков собственного права, а также говорить об эволюционном характере развития славян, включавшем, безусловно, и определенные периоды упадка. Отмечается, с приведением примеров из истории Западной Европы, что любая культура переживает такие кризисы в своей эволюции.

Опровергается идея о низком, по сравнению с западными обществами, начальном культурном уровне развития славян. Диссертантом доказывается, что современная модель российского права начинается и оформляется именно в древнеславянском обществе которое, в свою очередь, по возрасту сравнимо с западным и восточным аналогами. Показывается, что культура – явление многослойное, естественно формируемое, сущностные характеристики и качество которого напрямую зависят от возраста.

Утверждается тезис о том, что русская культура древняя и основательная. Отмечается, что исторически Россия испытала на себе сильное воздействие как эллинистического культурного наследия, так и восточной общинно-патриархальной традиционности.

Во втором параграфе «Этапы становления российской правовой культуры» и третьем параграфе «Духовная составляющая российской правовой культуры: историко-культурный контекст» автором, с опорой на исторический контекст, анализируется процесс формирования базовой культурной доминанты российского общества, в частности, тех ее элементов, которые имеют значение для правовой сферы.

Первым исследуется процесс становления русского государства. Доказывается тезис о необходимой индивидуализации и гармонизации такого процесса в рамках конкретного *народа*. Презюмируется невозможность объективного анализа «правильности», «эффективности» процесса право- и государствообразования, как и утверждения в науке критерия для определения «цивилизованности» и «культурности» народа, права или государства, потому, что тогда необходимо будет признать первенство или «модельность» какой-либо инварианты исследуемого явления, что методологически невозможно и антинаучно.

Процесс формирования российской правовой культуры в работе условно делится на два периода: до реформ Петра I и после них. Автор отмечает, что такая дифференциация не предполагает формирования в первый период одних архетипов с заменой их на втором этапе. Напротив, доказывается, что и «петровский период», и советский являются типично русскими и лишь с разной степенью успешности переоформляют на свой лад заимствованные у западных коллег нововведения. Отмечается, что российская правовая культура в принципе сформировалась как уникальный симбиоз западной и восточной правовых традиций. Такой оригинальный состав был вызван уникальным историческим контекстом формирования нашего общества.

Далее следует непосредственный анализ эволюции российской правовой культуры. Отмечается, что культура в целом зарождается в недрах того, что можно назвать религией в широком смысле слова. В доказательство приводятся рассуждения Н.Д. Ф.де Кулланжа, анализ эволюции домашней религии и ее роли в становлении права как самостоятельного социального регулятора.

Традиционно, говоря о религиозной составляющей русской культуры, ее считают православной, но такая формулировка некорректна. По мнению автора исследования, вера русского православного удержала в свое время

языческую обрядовость, а многие явления действительности (в том числе и правовые) неосознанно воспринимаются на базе этой, самой древней составляющей нашей психики. В сфере права долгое время после принятия православия продолжали действовать без каких-либо ощутимых потерь сформировавшиеся в рамках языческой культуры нормы древнерусских правовых обычаев. Формально на Руси уже действовало церковное право византийского происхождения; фактически же основная масса древнерусских правовых обычаев устояла перед новой верой, поскольку была индифферентной в религиозном отношении и давно уже отражала мирской взгляд на жизнь.

Отмечается, что термин «право» – базовый для любой правовой системы, основа самобытной правовой регуляции в рамках конкретного социума, – у русских очень древний. Его корень древнеславянского происхождения, от слова «правь», означавшего для наших предков силу правды и всеобщего закона, символ божественной мудрости, справедливости, гармонии и порядка. Именно язычество, войдя в сочетание с православием, подарило некоторую мистичность русскому сознанию, оставило в нем подсознательный пиетет к обычным, традиционным нормам, законам природы и предков. Таким образом, «форматирование» православия славянским язычеством позволило нашей культуре, в частности, правовой ее составляющей, определиться с приоритетами. Так, русское общество решает фундаментальные и вечные мировоззренческие проблемы, нивелируя до менее значимых индивидуализм и западную *privacy*. Определяется уникально русский тип цивилизации, русский образ социального мышления и социального регулирования, существенно отличные от западных аналогов.

Автор считает, что до Петра I вся русская правовая история в принципе прошла под знаком господства обычного права, дух которого пропитывал первые опыты законодательной деятельности государства. Законодатель еще не пытался напрямую навязать обществу нужный ему закон, а лишь придавал форму закона и санкционировал взятые им из общественной жизни неписанные нормы обычного права. Закон как веление публичной власти, в некоторых ситуациях не соответствующий сложившимся в обществе отношениям, – явление более позднего периода нашей истории, петровского времени, в которое рушились вековые устои и закон зачастую ломал привычные представления о мироустройстве. Но даже тогда веления царя, имеющего высокую миссию от Бога – воплощать православную государственность, оберегать ее от опасностей и бед – не оспаривались. Приводятся рассуждения историка М.Ф. Владимирского-Буданова о периодизации русской истории права. Профессор выделяет три

этапа (земский, период Московского и Литовского государств и период империи), из которых лишь на третьем отмечает приоритет права перед обычаем.

Таким образом, российская правовая традиция включает в себя три основных типа взаимодействия государства и общества: *первый* – до принятия Русью христианства – заключался в безусловном согласии населения с государством, которое лишь оформляло наиболее действенные обычные нормы. Власть здесь выступает безусловным благом, фактически она лишь осуществляет разумное принуждение, необходимое для существования общества и основанное на получивших признание в обществе правилах поведения. Этот этап формирует привычку к подчинению государству-благу, государству-компаньону. *Второй* тип взаимодействия начинается с принятия православия и знаменуется определением высшего божественного предназначения человека. Определяются ведущие нравственные парадигмы, на базе которых строится все социальное, в частности, правовое регулирование. Иными словами, обычно-правовые нормы теперь проверяются не только на свою фактическую действенность, но и на соответствие высоким нравственным идеалам. Субъект власти объявляется помазанником божьим, отцом народа; таким образом, привычка подчиняться государству обретает еще и сакральную наполненность. *Третий* тип взаимодействия предлагается обозначить концом XVII – началом XVIII вв., с момента начала Петром I реформ, ориентированных на перенятие западных правовых идеалов.

Таким образом, отмечается «стержневое» значение государства для российского общества и отличие в отношении к нему как от западного аналога (государство служит собственникам), так и от восточного (государство – неизбежное зло). Тяжёлое географическое положение и особенности исторического развития сформировали позицию, по которой русский человек издревле искал защиту у государства, признавал его авторитет и значимость. Автор доказывает, что российский этатизм, который в науке зачастую именуют «имперским мышлением» и отсталостью, является лишь особенностью отечественной правовой культуры и подлежит (по крайней мере на сегодня) не реформированию, а лишь учету.

Следующим анализируется одно из ключевых для правовой науки понятий – понятие свободы. Сторонники теории модернизации, считающие русского человека лишь «несчастливым, вечно угнетенным придатком коллектива» и искренне верящие в необходимость освободиться от «советско-монархического внутреннего рабства», совершенно искренне

отказывают русскому индивиду в стремлении к свободе. Автор считает, что ошибка такого рода исследователей в неверно избранной методологии. А именно – попытка оценить российское общество с точки зрения западной цивилизации. Свобода – ценность, используя терминологию данного исследования, второго порядка. Ценность правовая, совершенно зависящая от смысла и сущности права как регулятора общественных отношений в конкретном обществе. Расстановку ценностей в российском обществе определяет ближайшим образом вера, даже для абсолютного атеиста реализуемая в нормах нравственности. И понятие свободы в отечественной правовой культуре также имеет совершенно нравственную окраску. В отличие от, например, американцев, устремленных к равенству и индивидуализму, зачастую в ущерб духовной составляющей, русский человек, наоборот, стремится увидеть осязаемое воплощение правды, даже если оно нивелирует значимость рационально-индивидуалистической свободы. Диссертант не доказывает ошибочность мнения о нежелании россиянина «освободиться» в типично-западной трактовке указанного понятия, а лишь утверждает, что свобода или несвобода – это лишь эмоции правового характера, зависящие от того, что под ними принято понимать в конкретном обществе. Именно поэтому совершенно неверно отказывать русской цивилизации в стремлении к свободе из-за нежелания воспринимать данное понятие в несоответствующей его менталитету трактовке. Да, русский человек несвободен от государства, несвободен от общества. Но не потому, что власть его намеренно угнетает, ставя жесткие рамки, а общество закабаляет, делая одним из многих и отрицая его личностную составляющую («поголовное рабство» на Востоке), а потому, что видит в государстве средство решения собственных проблем и верит в него, а без общества не может и не хочет существовать как личность. Иными словами, русский человек истинно свободен, лишь ощущая себя частью общества, находя глубокий нравственный смысл в любви к ближнему и государству, в зависимости от них. Таким образом, утверждать, что свобода не входит в состав ценностного ядра российской правовой культуры, в корне неверно. Однако, свободу в ее западно-европейской рационалистической трактовке, не оправданную одобряемыми целями и пользой, особенно общественной, в российской среде могут встретить возражениями.

Так, для россиянина «указание освободиться» парадоксально ведет к потере духовной свободы и счастья. Русский человек действительно просто *не хочет* освободиться в индивидуалистическом, материальном смысле. А его ценность как индивида в отечественном правосознании поставлена в зависимость от других – правды, любви, положения в обществе,

достоинства, пользы и прочих, в отличие от западной традиции, где ценность прав человека может превышать ценность человеческой души. Предлагается также считать рассматриваемый факт особенностью отечественной правовой культуры, одной из ее системообразующих идей, напоминающей об исконной связи отечественного права с религией. Указывается на то, что попытки «индивидуализировать» общество в отсутствие культурной основы приводит лишь к развитию эгоизма и к фактической бездуховности, а отнюдь не к индивидуализации в ее европейском варианте.

Таким образом, свободу не нужно исключать из ценностного ядра российской правовой культуры, возможно лишь изменить ее трактовку, придав ей этимологически уникальное национальное значение. Предлагается признать наличие в национальном культурном коде «установки на освобождение», но принять, что такая свобода будет связана с внутренним, а не внешним миром человека.

Следующим анализируется принцип индивидуализма, многое определяющий в западном праве. Автор считает, что российскому мировоззрению один из основных оплотов западного либерализма больше понятен в эгоистическом, мрачном и бессмысленном значении. Чтобы чей-то успех не воспринимался как негативное явление, необходима принадлежность индивида к какой-то «своей» группе, либо чтобы он был кем-то, прославляющим общество или группу в целом (известный артист, спортсмен и т.д.). Но тогда и успех индивида утрачивает частное значение, становится общим. И это отличает российское мировоззрение от западного индивидуалистического, для которого быть неуспешным, непроцветающим – это недостаток, упущение.

С отношением к свободе тесно связан и коллективизм российского общества, получивший в науке наименование «соборности». Соборность нашего общества предопределена объективными условиями его эволюции. Географическое положение России, климатические условия, в целом неблагоприятные для осуществления хозяйственной деятельности, сформировали обычные представления о первичности коллектива. Впоследствии православие добавляет русскому коллективизму духовное содержание. Доминирующая в российском обществе идея служения формирует парадоксальный юридиксизм русского права, который состоит именно в сущностном отрешении от защиты индивидуального эгоизма. На данный момент времени российский коллективизм – данность, обусловленная историей развития нашего государства.

Негативное, во многом, отношение к частной собственности также предлагается особенностью национального менталитета, исходящим из общих представлений российского этноса о счастье и путях его достижения. Если happiness (счастье) в европейской трактовке тесно связано с понятием материального процветания, то русскому православному переживанию (ожиданию) счастья больше отвечает состояние, которое передает этимология этого *русского* слова – со-частье, то есть слитность частей. Слитность с миром, Богом, обществом и собственной душой составляет условие счастья, и оно от этого теряет возможность реализации в индивидуализме. Материальное процветание слишком долгое время не обладало достаточной духовной наполненностью и потому не могло являться по-настоящему важной целью.

В четвертом, заключительном параграфе третьей главы «Русские культурные архетипы и их влияние на формирование российской правовой ментальности» автором, на базе охарактеризованных в первых трех параграфах базовой культурной доминанты и абсолютных ценностей российского общества, формулируются основные архетипы отечественной правовой культуры.

К таковым предлагается отнести:

1. Архетип «государя-покровителя», заключающийся в некоторой сакрализации русским народом своих управленцев и, как следствие, чувственном отношении к государству, а не разумно-оценивающем, как на Западе. Правоисторическая традиция России сложилась совершенно особым образом, и в ней государству всегда отводилась особая, стержневая роль. Российский этатизм предлагается на настоящем этапе считать культурно-обусловленным явлением, которое характеризуется ненавязанным, глубинным уважением и признанием русским населением власти. Таким образом, эффективность деятельности государственных институтов в России на сегодня имеет другие критерии оценки, нежели западные аналоги.

2. Автор говорит о том, что этатизм обусловил склонность русского человека к созданию для себя объекта идеализации в виде лица, наделенного определенными должностными полномочиями и на бессознательном уровне признанию его первенства, не оценивая его на содержательном уровне. Эта часть национального культурного кода получила в исследовании наименование «архетипа авторитета».

3. Диссертант считает неверным тезис о том, что свобода не входит в состав ценностного ядра российской правовой культуры. Предлагается изменить трактовку свободы, придав ей этимологически национальное значение. Доказывается, что в российском сознании традиционно свобода

личности связана с внутренним, а не внешним миром человека. Олицетворение указанные моменты получают в правовых архетипах «я – последняя буква алфавита» и «правильного человека». Для русского человека освободиться – это в большей степени очистить дух, а вести себя правильно – подчиниться не внешним, формальным законам, а истинным внутренним, духовным. Все это приводит к тому, что на Западе называют «подменой правосознания этическими воззрениями». Для российской же культуры это не подмена, а высшая справедливость, являющаяся не продуктом человеческой деятельности (как на Западе), а данностью, дарованной свыше.

4. Также выделяется правовой архетип «двух жизней», характеризующий собой бессознательную установку русского человека на существование в рамках двух «правовых систем»: неписанного народного права и позитивного государственного. Так, любая правовая норма в сегодняшнем российском обществе проходит две ступени «фильтрации»: первая – на уровне государства; вторая – самим обществом эмпирическим путем. В случае, если модель поведения проходит обе ступени, она становится действующим регулятором общественных отношений; в случае, если на второй ступени она «спотыкается», то остается лишь формальным правилом, которое будут стараться не нарушать из страха наказания, но искренней поддержки оно не получит. То же самое и с обратной стороны: родившаяся в недрах общества норма действует априорно в момент своего фактического оформления, но позитивно-правовой характер она обретает лишь в случае, если ее санкционирует государство (те же две ступени, только в обратной последовательности). В случае же, если государство в таком оформлении норме откажет, то модель все равно будет реализовываться в «теновом», «неписанном» варианте, и здесь уже государство будет смотреть на такие нарушения «сквозь пальцы», пресекая лишь грубые нарушения установленного им же порядка.

В заключении соискателем резюмируются основные итоги исследования и делаются выводы по проблематике работы.

Основные положения диссертационного исследования апробированы в следующих работах автора:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, определенных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Мирошниченко, О.И. Основания легитимности государственной власти в современной России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2014. – № 1. – С. 57-61. (0,5 п.л.).

2. Мирошниченко, О.И. Правовой менталитет как средство преодоления формального правового нигилизма в современном российском

обществе // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 3. – С. 36-41. (0,5 п.л.).

3. Мирошниченко, О.И. Роль особенностей российской правовой ментальности в формировании правовой политики современного российского общества // Правозащитник. – 2016. – №1. – С. 10-10. (1,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в международную базу цитирования SCOPUS:

1. Miroshnichenko, O.I. Archetypical Component of the Law as a Basis to Differentiate Between the Western and the Eastern Legal Tradition // Review of European Studies. – Vol. 6, No. 4, December 2014 issue. – P. 249-253. (0,5 п.л.).

2. Miroshnichenko, O.I. Legal culture of modern society: General philosophical and anthropological analysis of the category. Talking about the structure of the category // Asian Social Science. – 2014. – Vol. 10, No. 12. – P. 1-5. (0,5 п.л.).

3. Miroshnichenko, O.I. Legal culture of modern society: General philosophical and anthropological analysis of the category // World Applied Sciences Journal. – No. 28 (2) – P. 212-215. (0,6 п.л.).

4. Miroshnichenko, O.I. Legal culture of modern society: General philosophical and anthropological analysis of the category. Part two // 2014 World Applied Sciences Journal. – 2014. - No. 29 (10). – P. 1248-1250. (0,3 п.л.).

**Мирошниченко Ольга Игоревна
(Российская Федерация)**

**РУССКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ АРХЕТИП КАК СРЕДСТВО
ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА**

Диссертация посвящена комплексному исследованию категории правового архетипа и обоснованию его роли в идентификации современного российского права. В исследовании представлен содержательно-категориальный анализ правовой культуры общества, выделены элементы правовой культуры в системном аспекте. Раскрывается соотношение российской правовой культуры с западной и восточной правовыми традициями; выделяются и характеризуются основные архетипы современной российской правовой культуры;

**Miroshnichenko Olga Igorevna
(Russian Federation)**

**RUSSIAN CULTURAL ARCHETYPE AS A MEANS TO IDENTIFY
RUSSIAN LAW TODAY**

The thesis deals with the complex research of the category of legal archetype and its foundation as a basic element of legal culture of the society. Every element of legal culture is being analyzed as a part of the complex system and as a part of general culture. Russian legal culture is compared with Western and Eastern legal tradition; as a result Russian legal archetypes are formulated and characterized.